

наметилось некоторое ослабление контроля за деятельностью различных конфессий, что определялось изменением общей ситуации в стране. В этот период, в связи с пересмотром дел, были освобождены многие привлеченные ранее к уголовной ответственности верующие. В конце 1950-х гг., в связи с антирелигиозной кампанией, возобновились преследования по религиозным причинам, но, как правило, эти меры носили профилактический характер: индивидуальная работа агитаторов с сектантами, чтение лекций на атеистические темы, привлечение сил общественности и др.

*Л.И. Футорьянский
(Оренбург)*

**Демьян Бедный, Сергей Есенин и Б. Пастернак
и их отношение к христианству и Христу***

Наступление на церковь и Христа Демьяна Бедного (Придворова) совпало со второй половиной 20-х годов, а в 1930 увенчалось даже сборником под названием «Тебе Господи!», Госиздат. 1930, М-Л. «Сборник антирелигиозных произведений было одним из проявлений того подхода, который развернули безбожники против религии. Именно вскоре после Второго Всесоюзного съезда безбожников, на котором выступил и Демьян Бедный, расхваливая, рекламируя свои стихи данного направления. Издатели жаловались, что антирелигиозная продукция занимает почему-то совершенно незначительное место (менее одного процента всей книжной продукции). Часть из них вошла в Полное собрание сочинений Демьяна Бедного, некоторые включены в книгу, о которой идет речь; новые поэмы, зарисовки, шутки. Предшествующие им стихотворения были дополнены и исправлены. Таким были и «Земля обетованная». В произведении, которое называлось крупнейшим – «Демьяново евангелие» впервые вставлена новая глава, написанная специально для данного сборника. Глава подчеркивает, что Иисуса Христа никогда не было, (подчеркнуто нами – Л.Ф.). Для Демьяна не было сомнений, что Иисус – легенда, миф. В предисловии к книге Демьян обвинялся в том, что Бедный недостаточно показал всю несприглядность Христа вся фальшь, на которую претендует новый завет «Демьяново евангелие» создано преимущественно для крестьянства – продолжает автор. Против церкви Демьяном было написано около десяти тысяч стихов к концу предисловия заявляет автор. В книге 383 с. Последним в нее помещен «Новый завет – без изъяна евангелие от Демьяна». Этой поэме посвящено 144 страницы сборника. Написано, как сказано в конце книги в 1925 г.

* Печатается в авторской редакции.

Поэма начинается строками:
Православные христиане
Российские крестьяне
Бабы и мужики
Молодые и старики
Начинаю я писать страницу
В страстную седмицу.
Под колокола, гудящие тоскливо
В самый разгар «поповской страды»
Когда доходны особливо
Поповские труды
Когда в церквях, как тетерева токуют,
«Страсти господни» толкуют
Как мучили Иисуса Христа
В какие его таскали места
И кто в его смерти повинен
Разговор об этом длинен. С. 233.

Далее Д.Бедный отыскивает противоречия Евангелие от Луки и Матвея, Марка, но дело, конечно, не в его выкладках, а в отношении к Христу. Он пишет о том, что Христос заворачивал бабам подолы,

«И не было Христу от них отбою
И готовые лобзать Христа
И в колени и в уста
И забираться с ним на банную полку
Вот до чего сбивались бабы с толку!»
(С. 268)

К концу своей Евангелины Д.Бедный утверждал «Ничего не может быть более пустого чем бред про воскресенье Христово». С. 371.

На странице 378 Бедный заявляет «Только такой образ Иисуса и может быть дан: лгун, пьяница, бабник и т.д. (С. 378).

Думаю достаточно понятна позиция Демьяна.

Против нее выступил Сергей Есенин. Я не буду комментировать его по кусочкам, а приведу его стих в целом:

**Ответ Сергея Есенина Демьяну Бедному
на его «Евангелие»**

Я часто думаю: за что его казнили?
За что он жертвовал своею головой?
За то ль, что против всякой гнили
Отважно поднял голос свой?
За то ли, что в стране проконсула Пилата,
Где культом кесаря полны и ночь и день,
Он с кучкой рыбаков из бедных деревень

Один восстал он против мнений злата?
За то ли, что себя на части разорвав,
Он к горю ближнего был милосерд и чуток,
И всех благословлял молитвенно любя:
И маленьких детей, и грязных проституток?
Не знаю я, Демьян, в «Евангелии» твоём
И не нашел правдивого ответа.
В нём много хлестких слов,
Ах, как их много в нём!
Но слова нет, достойного поэта.
Я не из тех, кто признает попов,
Кто безотчетно верит в бога,
Кто лоб свой расшибить готов,
Молясь у каждого церковного порога.
Я не люблю религии раба,
Покорного от века и до века,
И вера у меня в чудесное слаба:
Я верю в знания и в силу человека.
И все-таки, когда я в «Правде» прочитал
Неправду о Христе блудливого Демьяна,
Мне стало стыдно, как будто я попал
В блевотину, извергнутую спяна.
Христос – сын плотника,
Когда-то был казнен.
Пусть – это миф, но все ж когда прохожий
Его спросил: «Кто ты?» Ему ответил он:
«Сын человеческий», но не сказал: «Сын божий».
Пусть Будда, Моисей, Конфуций и Христос –
Далекий миф... Мы это понимаем...
Но все ж нельзя, как годовалый пес,
На все захлебываться лаем.
Христос был миф, как мифом был Сократ,
Пускай их также не было когда-то,
Так что же, от того и надобно плевать
На все, что в человеке свято?
Ты испытал, Демьян, один арест.
И ты скулил: «Ах, крест мне выпал лютей!»
А что б, когда тебе Голгофский дали крест
Иль чашу с ядовитою пикутой?
Хватило б у тебя терпенья до конца
Страдать по их примеру тоже,
Благословлять весь мир под трением венца
И о бессмертии молить на смертном ложе?
Нет, ты, Демьян, Христа не оскорбил.

Ты не задел Его своим пером ни мало.
Разбойник был, Иуда тоже был,
Тебя лишь только не хватало.
Ты сгусток крови у Христа
Копнул ноздрей, как сытый боров:
Ты только хрюкнул на Христа,
Демьян Лакеевич Придворов.
Но ты свершил двойной, тяжелый грех
Ты оскорбил поэтов вольный цех
И малый свой талант покрыл позором.
Ведь там, за рубежом,
Небось злорадствуют российские кликушп:
«Еще тарелочку Демьяновой ухи,
Соседушка – мой друг, покушай!»
А русский мужичок, читая Бедноту,
Где каждый стих откликнулся дуэлетом...

.....
Ибо, как мы считаем, данное стихотворение Сергея Есенина публикуется нами впервые, оно пролежало в моей библиотеке около 40 лет, как сам издательское не публиковавшиеся, но ходившее среди части интеллигенции. Какая удивительная разница! Как груб Бедный и как деликатен Есенин, его отношение к верующим в Христа людям. Несомненно то, что нельзя плевать в то, что многим свято.

Не могу удержаться, чтобы не напомнить читателям, одно из стихотворений Бориса Пастернака. Его отец Леонид Осипович Пастернак был академиком живописи, а мать превосходная пианистка. (Борис Пастернак. Строку диктует чувство, 1992. С. 7).

Борис Пастернак вспомнил: «я был крещен своей няней в младенчестве, но из-за ограничений, которым подвергались евреи, и к тому же в семье, которая благодаря художественным заслугам отца, была от них избавлена и пользовалась определенной известностью, что вызвало некоторые осложнения и оставалось всегда душевной полутайной, предметом родного и исключительного вдохновения, а отнюдь не спокойной привычкой...». (Там же. С. 11).

В стихотворении «Русская революция» Пастернак писал: «И грудью всей дышал социализм Христа». (Там же. С. 125).

Но особенно интересны его строки из стихотворения «Чудо»
Он шел из Вифинии в Ерусалим,
Заранее грустью предчувствий томим.
Колючий кустарник на круче был выжжен
Над хижинной ближней не двигался дым
Был воздух горяч и камыш неподвижен
И мертвого моря покой неподвижен.

И в горечи спорившей с горечью моря
Он шел с небольшой толпой облаков
По пыльной дороге на чье-то подворье,
Шел в город на сборище учеников.
И так углубился он в мысли свои
Что поле в унынье запахло полынью
Все стихло один он стоял посредине...
Но чудо есть чудо, и чудо есть Бог,...

А вот из его стихотворения «Магдолина»

Когда твои стопы, Иисус
Оперши о свои колени,
Я может, обнимать учусь
Креста четырехгранный брус ...
(Там же. С. 321).

У людей по праздникам уборка, В стороне от этой толчеи
Обливаю миром из ведерка
Я стопы пречистые твои.
Ноги я твои в подол уперла
Их слезами облила, Иисус
Ниткой бус их обмотала с горла
В волосы закрыла, как в бурнус...
Брошусь на землю у ног распятыя,
Обомру и закушу уста
Слишком многим руки для объятья
Ты раскинешь до конца креста...
(Там же. С. 323).

Наверное надо привести его слова из «Дурные дни»
Когда на последней неделе входил он в Ерусалим
Осанны навстречу гремели
Бежали ветвями за ним...
И темными силами храма
Он отдан подонкам на суд
И с пылкостью той же самой
Как славили прежде, клянута
(Там же. С. 371–372).

Не будем загружать читателя и слушателя адресуем их к стихотворению Пастернака «Гефсиманский сад», «Август» и другим.

Думается разница с одной стороны Д.Бедного со взглядом С.Есенина, Б.Пастернака несомненна, и будет интересна сегодняшнему читателю.

Хотелось бы напомнить здесь слова широко известные Александра Блока из поэмы «Двенадцать».

«Вперед – с кровавым флагом
И за вьюгой невидим
И от пули невредим
Нежной поступью надвьюжной
В белом венчике из роз –
Вперед – Иисус Христос».

Александр Блок. В огне и холоде тревоги. (Избранное. М., 1982. С. 246).

Мы видим, что и у Бориса Пастернака и Александра Блока при характеристике революции впереди – Иисус Христос. Это совпадение не случайно, ибо христианство и, в частности, православие во многом впитала в себя идеи равенства и братства (впрочем как и другие религии). Идеи социализма «Пусть в примитивной форме часть народа связывала образ Христа с социализмом». Так воспринимали массы эти мысли, так они отражались в творчестве выдающихся поэтов и писателей XX века. Без той грубости и безудержного напора Демьяна Бедного.

П.С. Шаблей
(г. Кустанай, Республика
Казахстан)

**Миссионерская полемика против ислама
и старообрядчества на Урале и в Северном Казахстане
(XIX – начало XX вв.): теоретический дискурс**

Вхождение в состав империи новых этнокультурных компонентов с различными политико-культурными ценностями, и потребность в централизации социокультурных моделей развития отдаленных провинций государства привели к необходимости внедрения в массовое общественное сознание определенных парадигм, обосновывающих интегративное значение российского идеологического концепта: приоритета православной культуры в системе социальных и политических отношений. Его распространение в среде разнородных цивилизационных пространств, требовало самой активной и в то же время гибкой, аргументированной идейной пропаганды, основанной на противопоставлении, сравнении, убеждении в превосходстве исходного парадигмального тезиса. Одним из ее наиболее ярких воплощений была миссионерская полемика против неправославного богословия. Свое особое специфическое проявление она носила на Урале и в Северном Казахстане. Здесь миссионеры встретились не просто с разноуровневыми культурами, но и прочными традициями, по своему отстаивающими самобытность национально-религиозного самосознания.